

Пятница, 1 сентября 1995 года

Вечер. Москва. — 1995. — 1 сен. — С. 5.

Первые статьи Станислава Рассадина, появлявшиеся в «Литературной газете» и журнале «Юность» в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, были встречены с огромным интересом. Он автор множества статей и двух с половины десятков книг о классической и современной литературе, о кино, театре, телевидении и т.д.

Среди них: «Драматург Пушкин», «Фонвизин», «Предположение о поэзии», «Гений и злодейство, или Дело Сухово-Кобылина». Недавно вышли две новые книги — о Михаиле Козакове и Осипе Мандельштаме.

— Станислав Борисович, представьте, я только недавно узнал, что это вы пустили в жизнь выражение «шестидесятники». Вклад этого поколения в предпятствующие годы, несомненно, велик. Но в одном из последних интервью вы сказали, что шестидесятники — это всего лишь псевдоним времени. Почему?

— «Шестидесятники» — так было озаглавлено моя статья, опубликованная в последнем номере журнала «Юность» за 60-й год, то есть как раз начиная шестидесятых. Она имела шумный успех, потому что в том времени многоголосий, с одной стороны, ее хвалили коллеги и особенные читатели, с другой стороны, она вызывала большую ярость в ЦК партии, тогдашней зав. Отделом пропаганды Поликарпов, я знаю, топали ногами и кричали: «Бог знает, что меня лишили да не то, что ее били, — я к этому всю жизнь спокойно относился, хотя избивал был в отдаленные времена часто и крепко. Элило то, что мне прописывали какую-то абсолютную ахинею, например, будто я противостояла поколению, и т.д. и т.п. А ничего этого, конечно, не было. Однако статуэтку эту я терпеть не могу.

— Но почему?

— Во-первых она была не без элемента демагогии. Я вообще никогда (так уж получалось) не употреблял слов, без которых, считалось, нельзя было обойтись. Один ленинградский критик, ныне покойный, вероятно, чудовищный, жуткий тип, написал про меня статью в каком-то журнале, где сказал мне: «Часто ты пишешь о том, что, как выяснилось, читает меня с невероятной щадительностью: взял да составил список совершенно обнаженных слов и понятий, которых в моих писаниях невозможноХа встремить. Помни, я даже слегка вздрогнул, потому что там были сплошь такие слова, как «коммунизм», «коммунистическая партия», не говоря уж о «соцреализме». Такой вот эффектный получился доносец! А статья «Шестидесятники» была, говорю лукаво-демагогической — там эти слова все-таки употреблялись! Ну не все, конечно. Я как бы набрасывал маскировочную сетку, чтобы протащить под нее какие-то мысли. Поскольку статья для меня в этом смысле была исполнением, я ее как-то сразу взломил. Мой друг Коржавин был единственным или почти единственным, кто эту статью категорически не принял. Он сказал: «Ты написал глупую статью». И с ясностью согласился. Я в ту же секунду понял, что он совершил прорыв. Вообщем самое лестное, что мне говорил тот же Коржавин: «Ты не поклоняешься поколению, я идиот».

— Станислав Борисович, многие люди этого поколения, оглядываясь на прожитые 35 лет, считают, что прошли жизнь бесполезно, напрасно, на ерунду растратали годы. А как вы считаете?

— Я ничем утешить их не могу. Если че-

никто из них ни прежде, ни теперь не ушел в литературные и иные генерации, не пытался стать депутатом или министром?

— Вот сейчас я написал книгу о своем автобиографии (они издают стоят автобиографий писателей) и закончил ее списком своих друзей на протяжении всей своей жизни, потому что друзья — это лучшее, что находит. Наверное, тем с кем раскорялся, кто оставил на душе болезненную отметку — но все равно отметку. Потому что никто нас так не формирует и никто мы сами так не формируем, как свой круг.

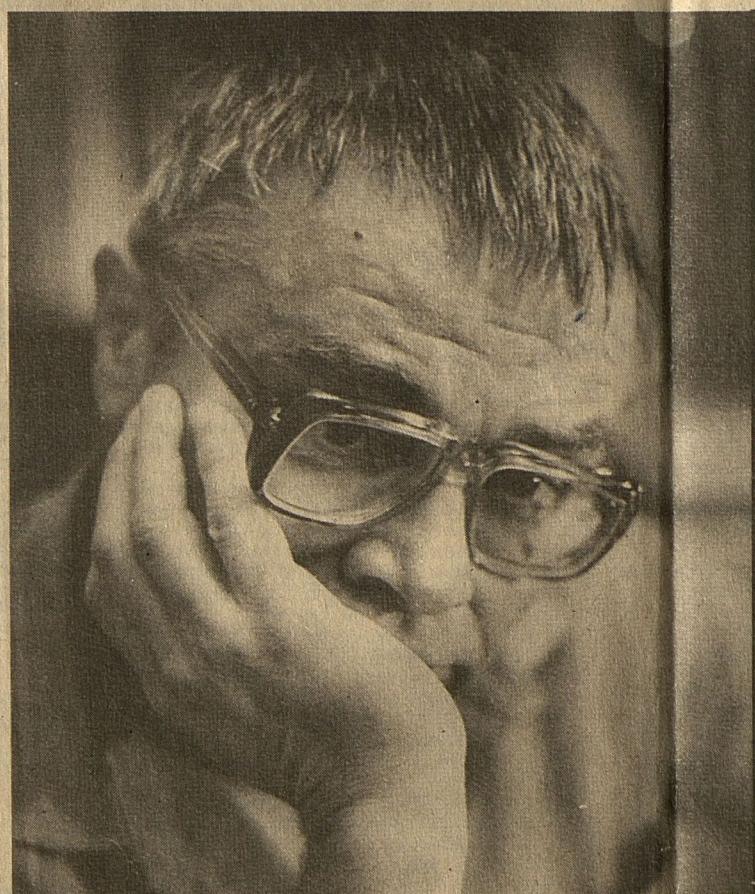
А что касается вопроса нашей политики и почему власть портит, так власть вообще имеет обыкновение портить. Хотя в нашей стране все-таки особая ситуация. У меня скоро выходит книга под названием «Русские», там среди прочих глав о Екатерине Второй, да и только что я написал статью о ней под названием «Первая перестройка», вот там как раз я и пытаюсь анализировать, как эволюционировала эта замечательная женщина, так великолепно начинавшая, создавшая первый русский парламент... Правда, говорят: и его, мол, создала из хвастовства и лицемерия. Но лицемер — не самое худшее, что есть в мире. Лицемер сам может быть отвратителен, но то, что лицемер вынуждено существовать, это значит, в обществе разражено добро, надо — да пускай даже выгнать! — притворяться хорошим. Как говорят Шекспир, если у вас нет добродетели, пользуйтесь этим способом, но не забывайте, что в него каждый вкладывается, что хочет. Я всегда был беспартийным, в комсомол по стадионам, естественно, пошел. Но никогда даже в мыслях не было, скажем, вступить в Коммунистическую партию или в какую-нибудь другую, если бы вона тогда была. Сейчас они разные есть, но я осталась безнадежно беспартийной. От лица шестидесятников сейчас говорят люди, которые работали в газете «Правда», работали в Центральном Комитете партии, были советниками Брежнева, Хрущева, писали о Ленине, говорили, какой идеальный человек был Киров, какой был замечательный Дзержинский. Я не хочу их ругать, упаси Бог, наоборот — люди, которые приходят оттуда и становятся человекообразными, для меня скорее симпатичны. Например Юра Каракин, которого я очень люблю, работал в «Правде», вращался в партийных кругах, сам был активным членом партии. И за то, что он стал, я считаю, совершенно беспартийным достоверским, я готов в ножки ему поклониться. Это особая заслуга, и я говорю о ней с большим почтением: человек вышел из партийного болота и поднялся на нормальный холм, с которого что-то уже видно. Но когда слишком часто люди, до последней из перспективных лет продолжавшие твердить: «Ленин, Ленин, Ленин, Дзержинский, Дзержинский, Дзержинский», говорят: мы — шестидесятники, вот в таких случаях мне хочется от этого слова отстричься. Да, действительно, шестидесятничество — это перспективы времени, Бугат Окуджава, Константин Паустовский, извините я — я не было между ними спора. Конечно, были иллюзии, конечно, были надежды, не зависящие от возраста. Паустовский был совсем не молод, и будь с войной пришел, но было время продолжения. Все в конце концов зависит от того, как быстро от этих иллюзий освобождаются.

— Самоутверждение и самодовольство вошли в нашу культуру, оглядываясь на прожитые 35 лет, считают, что прошли жизнь бесполезно, напрасно, на ерунду растратали годы. А как вы считаете?

— Я ничем утешить их не могу. Если че-

— Станислав РАССАДИН:

НЕ ПЛЕВАТЬ В ВЕЧНОСТЬ

О в р е м е н и и о с е б е

театр, чтобы выжить, всегда считался с конъюнктурой? А сейчас, наверное, другая, но тоже конъюнктура?

— Начало самодовольства. Забавно, что сказал это не я, я как бы укрыл это определение, какими-то странными выражениями, который камнем загородил путь к миру благополучия и спасением от него, я видел это и говорил: «Чайка» — я видел его в фильме «Ленкома» у Захарова. В первый раз спектакль мне даже не сильно понравился, но я посмотрел через пять месяцев — совсем другое дело. После премьеры я Захарову сказал, что есть, по-моему, нестыковки Чайки — это один театр, Яновский — другой. Он выслушал это с неудовольствием, но, как говорят, он советский. Довлатов удивился: как, наоборот, он антисоветский. А тот отвечает: «У антисоветской — какая разница? Это, может быть, жестоко прозвучит, потому что я с большим почтением отношусь к этому театру, к его роли, к его смелости, но, за исключением нескольких спектаклей, он мне был неинтересен в это время. Я даже хотела признать свою предвзятость, тем более из-за того, что театр был мне чужд, я не посмотрел несколько спектаклей, которые наставника поэзии дали».

Я живу сейчас довольно трудно, мне хватает в материальном смысле нечего. Я живу даже труднее, чем жил в последние годы так называемого застоя. Потому что после многих лет, когда у меня были всякие непрятности, жизни — это просто сложилось, я писал свои книги, писал именно то, что мне нравилось, эти книги даже выходили в Фонвизине, Сухоне, Кобылине, Денисом Давыдовым... Но все равно притом, что я ужасно люблю такую литературу, как мой отец, я видел ее в глазах матери, я видел ее в глазах отца, я видел ее в глазах братьев, я видел ее в глазах друзей, я видел ее в глазах людей, которые считают себя обманутыми, его ничем не утешишь. Но я лично не чувствую себя обманутым не только потому, что довольно рано все более или менее понял, и делом, которым я занимался, не имело отношения к партийным и политическим, в советском смысле, делам. И все-таки, я думаю, впечатление о напрасно потерянных годах изначально ошибочно, а жизнь сама по себе самоцenna: люди жили, рождались, извините за очередную банальность, восходу солнца, приходу весны, любили женщин, рожали детей, как-то оборудовали свой быт, любили застолье, выпивали, купались в речках и морях... Жизнь сама по себе настолько прекрасна, и настолько сама по себе случайныйдар... Но ведь все равно этим не утешишь. К сожалению, мы все, в большей или меньшей степени, настолько идеологизированы, настолько нам внушалось, что мы — часть общества и часть государства, что мы верные слуги партии и т.д., что это раз это в головы людей входит, то мои слова им не помогут, к сожалению. Тем не менее... Я очень люблю такую нечаянную притчу: Юрий Карлович Олеша сидит со своей женой Ольгой Густавовной где-то там в Москве или в Одессе на бульваре, у Ольги Густавовны скверное настроение, и Олеша ей говорит:

— Но почему у тебя все плохо?

— А у тебя что хорошо?

— А у меня деревья расцветают.

Вот это драгоценное чувство. Мы разучились радоваться жизни самой по себе. И это ужасно. Обманутое поколение, необманутое поколение... Да все мы обмануты! А какое поколение не обмануто? А какое поколение жило счастливо в нашей искающей национальной идеологии?

Я живу сейчас довольно трудно, мне хватает в материальном смысле нечего. Я живу даже труднее, чем жил в последние годы так называемого застоя. Потому что после многих лет, когда у меня были всякие непрятности, жизни — это просто сложилось, я писал свои книги, писал именно то, что мне нравилось, эти книги даже выходили в Фонвизине, Сухоне, Кобылине, Денисом Давыдовым... Но все равно притом, что я ужасно люблю такую литературу, как мой отец, я видел ее в глазах матери, я видел ее в глазах отца, я видел ее в глазах братьев, я видел ее в глазах друзей, я видел ее в глазах людей, которые считают себя обманутыми, его ничем не утешишь. Но я лично не чувствую себя обманутым не только потому, что довольно рано все более или менее понял, и делом, которым я занимался, не имело отношения к партийным и политическим, в советском смысле, делам. И все-таки, я думаю, впечатление о напрасно потерянных годах изначально ошибочно, а жизнь сама по себе самоцenna: люди жили, рождались, извините за очередную банальность, восходу солнца, приходу весны, любили женщин, рожали детей, как-то оборудовали свой быт, любили застолье, выпивали, купались в речках и морях... Жизнь сама по себе настолько прекрасна, и настолько сама по себе случайныйдар... Но ведь все равно этим не утешишь. К сожалению, мы все, в большей или меньшей степени, настолько идеологизированы, настолько нам внушалось, что мы — часть общества и часть государства, что мы верные слуги партии и т.д., что это раз это в головы людей входит, то мои слова им не помогут, к сожалению. Тем не менее... Я очень люблю такую нечаянную притчу: Юрий Карлович Олеша сидит со своей женой Ольгой Густавовной где-то там в Москве или в Одессе на бульваре, у Ольги Густавовны скверное настроение, и Олеша ей говорит:

— Но почему у тебя все плохо?

— А у тебя что хорошо?

— А у меня деревья расцветают.

Вот это драгоценное чувство. Мы разучились радоваться жизни самой по себе. И это ужасно. Обманутое поколение, необманутое поколение... Да все мы обмануты!

А какое поколение не обмануто? А какое поколение жило счастливо в нашей искающей национальной идеологии?

Я живу сейчас довольно трудно, мне хватает в материальном смысле нечего. Я живу даже труднее, чем жил в последние годы так называемого застоя. Потому что после многих лет, когда у меня были всякие непрятности, жизни — это просто сложилось, я писал свои книги, писал именно то, что мне нравилось, эти книги даже выходили в Фонвизине, Сухоне, Кобылине, Денисом Давыдовым... Но все равно притом, что я ужасно люблю такую литературу, как мой отец, я видел ее в глазах матери, я видел ее в глазах отца, я видел ее в глазах братьев, я видел ее в глазах друзей, я видел ее в глазах людей, которые считают себя обманутыми, его ничем не утешишь. Но я лично не чувствую себя обманутым не только потому, что довольно рано все более или менее понял, и делом, которым я занимался, не имело отношения к партийным и политическим, в советском смысле, делам. И все-таки, я думаю, впечатление о напрасно потерянных годах изначально ошибочно, а жизнь сама по себе самоцenna: люди жили, рождались, извините за очередную банальность, восходу солнца, приходу весны, любили женщин, рожали детей, как-то оборудовали свой быт, любили застолье, выпивали, купались в речках и морях... Жизнь сама по себе настолько прекрасна, и настолько сама по себе случайныйдар... Но ведь все равно этим не утешишь. К сожалению, мы все, в большей или меньшей степени, настолько идеологизированы, настолько нам внушалось, что мы — часть общества и часть государства, что мы верные слуги партии и т.д., что это раз это в головы людей входит, то мои слова им не помогут, к сожалению. Тем не менее... Я очень люблю такую нечаянную притчу: Юрий Карлович Олеша сидит со своей женой Ольгой Густавовной где-то там в Москве или в Одессе на бульваре, у Ольги Густавовны скверное настроение, и Олеша ей говорит:

— Но почему у тебя все плохо?

— А у тебя что хорошо?

— А у меня деревья расцветают.

Вот это драгоценное чувство. Мы разучились радоваться жизни самой по себе. И это ужасно. Обманутое поколение, необманутое поколение... Да все мы обмануты!

А какое поколение не обмануто? А какое поколение жило счастливо в нашей искающей национальной идеологии?

Я живу сейчас довольно трудно, мне хватает в материальном смысле нечего. Я живу даже труднее, чем жил в последние годы так называемого застоя. Потому что после многих лет, когда у меня были всякие непрятности, жизни — это просто сложилось, я писал свои книги, писал именно то, что мне нравилось, эти книги даже выходили в Фонвизине, Сухоне, Кобылине, Денисом Давыдовым... Но все равно притом, что я ужасно люблю такую литературу, как мой отец, я видел ее в глазах матери, я видел ее в глазах отца, я видел ее в глазах братьев, я видел ее в глазах друзей, я видел ее в глазах людей, которые считают себя обманутыми, его ничем не утешишь. Но я лично не чувствую себя обманутым не только потому, что довольно рано все более или менее понял, и делом, которым я занимался, не имело отношения к партийным и политическим, в советском смысле, делам. И все-таки, я думаю, впечатление о напрасно потерянных годах изначально ошибочно, а жизнь сама по себе самоцenna: люди жили, рождались, извините за очередную банальность, восходу солнца, приходу весны, любили женщин, рожали детей, как-то оборудовали свой быт, любили застолье, выпивали, купались в речках и морях... Жизнь сама по себе настолько прекрасна, и настолько сама по себе случайныйдар... Но ведь все равно этим не утешишь. К сожалению, мы все, в большей или меньшей степени, настолько идеологизированы, настолько нам внушалось, что мы — часть общества и часть государства, что мы верные слуги партии и т.д., что это раз это в головы людей входит, то мои слова им не помогут, к сожалению. Тем не менее... Я очень люблю такую нечаянную притчу: Юрий Карлович Олеша сидит со своей женой Ольгой Густавовной где-то там в Москве или в Одессе на бульваре, у Ольги Густавовны скверное настроение, и Олеша ей говорит:

— Но почему у тебя все плохо?

— А у тебя что хорошо?

— А у меня деревья расцветают.

Вот это драгоценное чувство. Мы разучились радоваться жизни самой по себе. И это ужасно. Обманутое поколение, необманутое поколение... Да все мы обмануты!

А какое поколение не обмануто? А какое поколение жило счастливо в нашей искающей национальной идеологии?

Я живу сейчас довольно трудно, мне хватает в материальном смысле нечего. Я живу даже труднее, чем жил в последние годы так называемого застоя. Потому что после многих лет, когда у меня были всякие непрятности, жизни — это просто сложилось, я писал свои книги, писал именно то, что мне нравилось, эти книги даже выходили в Фонвизине, Сухоне, Кобылине, Денисом Давыдовым... Но все равно притом, что я ужасно люблю такую литературу, как мой отец, я видел ее в глазах матери, я видел ее в глазах отца, я видел ее в глазах братьев, я видел ее в глазах друзей, я видел ее в глазах людей, которые считают себя обманутыми, его ничем не утешишь. Но я лично не чувствую себя обманутым не только потому, что довольно рано все более или менее понял, и делом, которым я занимался, не имело отношения к партийным и политическим, в советском смысле, делам. И все-таки, я думаю, впечатление о напрасно потерянных годах изначально ошибочно, а жизнь сама по себе самоцenna: люди жили, рождались, извините за очередную банальность, восходу солнца, приходу весны, любили женщин, рожали детей, как-то оборудовали свой быт, любили застолье, выпивали, купались в речках и морях... Жизнь сама по себе настолько прекрасна, и настолько сама по себе случайныйдар... Но ведь все равно этим не утешишь. К сожалению, мы все, в большей или меньшей степени, настолько идеологизированы, настолько нам внушалось, что мы — часть общества и часть государства, что мы верные слуги партии и т.д., что это раз это в головы людей входит, то мои слова им не помогут, к сожалению. Тем не менее... Я очень люблю такую нечаянную притчу: Юрий Карлович Олеша сидит со своей женой Ольгой Густавовной где-то там в Москве или в Одессе на бульваре, у Ольги Густавовны скверное настроение, и Олеша ей говорит:

— Но почему у тебя все плохо?

— А у тебя что хорошо?

— А у меня деревья расцветают.

Вот это драгоценное чувство. Мы разучились радоваться жизни самой по себе. И это ужасно. Обманутое поколение, необманутое поколение... Да все мы обмануты!